В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

2 Эволюция статуса профессиональных администраторов в Средневековой Руси на примере Боярской Думы
Казанцев Д.А.

10 Концепция взаимоотношений Церкви и государства Византийской империи (Симфония властей)
Молчанов Б.А., Иванова Ж.Б., Мамедов С.Н., Стародубцев Г.С.

17 Фашизм в европейской политико-правовой культуре XX в.: «мифы» и реальность (понимание природы государственно-правовых режимов на примере доктрины А. Розенберга)
Мордовцев А.Ю., Мордовцева Т.В.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

28 О двух распространенных заблуждениях в российской конституционной истории
Краснов М.А.

39 Нормативно-правовое обеспечение безопасности в России: общая характеристика и пути оптимизации
Братановский С.Н., Галищкая Н.В.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

47 Основы правового положения третьих лиц в договорных отношениях по английскому праву
Чурилов А.Ю.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

54 Международная правосубъектность ЕАЭС
Стародубцев Г.С., Илюшкина А.А.

62 Процедура пилотного постановления как средство устранения системной проблемы
Оганесян Т.Д.

68 Права человека: международно-правовая идеология
Поздняков В.П.

На последних страницах журнала можно найти:

- **информацию для авторов;**
- **информацию о всех журналах ИЦ РИОР;**
- **условия подписки**

Полную версию содержания читайте на с. I–II

ISSN 2409-5087

znanium.com

Naukaru.ru
ПОРТАЛ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

ISSN 2409-5087
2016. Volume 4
Issue 1 (19)

ADVANCES IN LAW STUDIES

SCIENTIFIC AND THEORETIC JOURNAL

RIOR SCIENCE

DOI 10.12737/issn.2409-5087

Advances in Law Studies (2016). Vol. 4. Issue 1 (19): 28–38
DOI 10.12737/18068
При цитировании этой статьи ссылка на DOI обязательна

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

О двух распространенных заблуждениях в российской конституционной истории

УДК 001.89(470.43)(091)

Краснов Михаил Александрович
Д-р юрид. наук, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация);
e-mail: mkrasnov@hse.ru

Статья получена: 19.01.2016. Рассмотрена: 27.01.2016. Одобрена: 18.02.2016. Опубликована онлайн: 28.03.2016. © РИОР

Аннотация. В статье делается попытка доказать, что, во-первых, неверно считать советские конституции собственно конституциями, поскольку в них отсутствует идея конституционализма, отвергавшаяся официальной доктриной. Второй распространенный тезис, который автор также оценивает как ошибочный, в том, что Конституция СССР 1936 г. («сталинская конституция») якобы была «демократичной» и даже «для своего времени самой демократичной в мире», но не смогла воспрепятствовать массовым репрессиям. Автор приходит к выводу, что советская действительность адекватно отражала букву и дух этой конституции.
Ключевые слова: конституция, Конституция СССР 1936 г., «сталинская конституция», конституционализм, советская власть, В.И. Ленин.

В отечественном конституционно-историческом дискурсе весьма широко распространены два тезиса. Первый состоит в том, что советские акты под названием «конституция» составляют этап (или этапы) в российской *конституционной* истории и даже истории российского *конституционализма*. Второй тезис — Конституция 1936 г. была очень демократичной или даже самой демократической в мире, плохо было лишь с ее реализацией.

Психологически мне понятно стремление коллег не повторять, хотя бы доктринально, того преступления, которое было совершено большевиками после 1917 г., юридически разорвавшими единую ткань российской государственности, и потому сохранить нечто вроде «конституционной преемственности» и вписать советские конституции, пусть и с оговорками, в ряд современных конституций. Тем более, что многие из нас (автор настоящей статьи в том числе) еще сравнительно недавно именно так (и вполне искренне) считали. Отказ от этой позиции, как, впрочем, от любой иной идеологической, политической или научной, нельзя рассматривать как беспринципность, если, разумеется, он не продиктован соображениями, далекими от научного поиска. По этому поводу я часто вспоминаю слова философа Льва Шестова: «История *перерождения убеждений* (во всех цитатах курсив мой. — *М.К.*) — ведь это прежде всего история их *рождения*. Убеждения вторично рождаются в человеке на его глазах, в том возрасте, когда у него достаточно опыта и наблюдательности, чтобы сознательно следить за этим великим и глубоким таинством души» [1, с. 26].

Оба приведенных тезиса не только принципиально неверны, но также их тиражирование

ABOUT TWO COMMON ERRORS IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL HISTORY

Mikhail Krasnov
Doctor of Law, ordinary professor of National Russian University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia); e-mail: mkrasnov@hse.ru
Manuscript received: 19.01.2016. Revised: 27.01.2016. Accepted: 18.02.2016. Published online: 28.03.2016. © RIOR
Abstract. This article attempts to show that, firstly, incorrect to assume Soviet constitution of its own constitution, as they have no idea of constitutionalism, rejects the official doctrine. The second common thesis that the author also evaluates as incorrect, that the USSR Constitution of 1936 ("Stalin Constitution") was "democratic" and even supposedly "for his time the most democratic in the world", but could not prevent massive repression. The author comes to the conclusion that the Soviet reality adequately reflect the letter and spirit of the constitution.
Keywords: constitution; The USSR Constitution of 1936.; "Stalin Constitution"; constitutionalism; Soviet authority; V.I. Lenin.

искажает смысл конституции в массовом сознании, а потому препятствует формированию в обществе нормального конституционного правосознания. Без такого правосознания не стоит надеяться, что Россия когда-нибудь разорвет замкнутый круг *потестарного*, т.е. фундаментально противостоящего правовому, типу организации публичной власти и публично-властных отношений.

1

Итак, что говорится о советских конституциях в учебниках по конституционному (государственному) праву.

Учебник Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина: «*Через конституции получали легитимность* принципиальные изменения всего общественного строя. Такую роль, в частности, сыграли Конституция РСФСР 1918 года, Конституция РФ 1993 года» [2, с. 68]. Довольно странное утверждение, ибо советская власть легитимировала себя отнюдь не посредством конституций, а через неформальное признание обществом нового государственного строя.

В учебнике С.В. Нарутто, Н.Е. Таевой и Е.С. Шугриной Конституция 1993 г. названа *пятой конституцией России*. Тем самым, с одной стороны, конституцией не считаются Основные Государственные законы 1906 г., с другой — советские конституции поставлены в один ряд с действующей Конституцией РФ, имеющей свои пороки, но всё же основанной на конституционализме [см: 3, с. 35–36].

Учебник под редакцией А.Е. Постникова: «Новый этап развития *советского конституционализма* был связан с принятием в 1936 г. Конституции СССР, характеризовавшейся как «Конституция победившего социализма»» [4, с. 28].

О «конституционализме с прилагательным» говорится и в учебнике С.В. Васильевой, В.А. Виноградова и В.Д. Мазаева: «Согласно марксистско-ленинским позициям существует концепция *социалистического конституционализма*, в которой отрицается ряд важнейших элементов демократического конституционализма, в том числе парламентаризм, разделение властей, частная собственность, приоритет прав личности. Согласно этой позиции конституционное развитие России началось с принятием первой Конституции РСФСР 1918 г.» [5, с. 52–53].

М.В. Баглай в своем учебнике говорит о тоталитарном конституционном (государственном) праве [6, с. 43]. Но это тоже можно рассматривать как косвенное признание конституционализма, пусть и с прилагательным «тоталитарный».

Замечу, что понятие «советский (социалистический) конституционализм» нередко встречается и в монографической литературе. И хотя, например, А.Н. Медушевский говорит о нем как о номинальном [7, с. 143; 8], это не спасает, ибо понятие «конституционализм» не приемлет прилагательных, так как представляет собой (при всём различии определений) принцип, в который заложена *идея правового ограничения власти*, а именно она и отвергалась советской доктриной (не говоря уже о практике).

2

Начну с того, что конституция в ее современном понимании — это обладающий высшей юридической силой правовой акт (совокупность актов), закрепляющий такие основы организации и жизнедеятельности общества и государства, которые, гарантируют *правовое ограничение публичной власти*, подконтрольность государства обществу, чем *обеспечивается реальность прав и свобод личности, а, следовательно, охрана и защита человеческого достоинства*.

Готов согласиться и с другими определениями, но при условии, что конституция в них предстаёт «договором об ограничении государства и общества». Если этот смысл в дефиниции не улавливается (отсутствует), мы не сможем провести границу, отделяющую конституционное государство от неконституционного. Возможно, для кого-то такая граница вообще несущественна, а существенно лишь то, что речь в обоих случаях идет о государстве. Но тогда не стоит говорить и о конституционном праве вообще.

Аристотель утверждал, что государство «создается не ради того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы *жить счастливо*» [9, с. 395]. Не берясь спорить с самим этим идеалом, скажу лишь, что мне ближе позиция Карла Поппера, говорившего, что «*не сущест-*

вует институциональных средств, позволяющих сделать человека счастливым», можно лишь стремиться к тому, «чтобы его избавили от несчастий, которые человечество способно предотвратить» [10, с. 200].

Вот эту задачу как раз и выполняет конституция, а понимание такой задачи делает современное общество цивилизованным. Уместно привести в этой связи суждение русского юриста, философа и культуролога Е.В. Спекторского: «Она (конституция. — *М.К.*) не устраняет социальной борьбы, религиозной, классовой и иной. Зато она вводит ее в культурную форму. Она не производит социальных реформ. Зато она создает для них законную возможность. Она вообще не разрешает по существу ни одного общественного вопроса. Зато *без неё нельзя разрешить ни одного вопроса*, ибо она устанавливает пути для разрешения всяких общественных вопросов» [11, с. 548].

Из этого вытекает фундаментальной важности тезис: *отнюдь не всякий акт, называемый «конституция» и занимающий высшее место в юридической иерархии, является подлинной конституцией.*

Государствоведы знают определение сущности конституции, данное Фердинандом Лассалем: фактические отношения силы в данный момент и в данном обществе [12, с. 9;13]. Когда-то я считал такое понимание неверным. На самом деле, оно, скорее, неполное.

Напомню, латинское слово «constitutio» имеет два значения: *устройство* и *установление* [13, с. 67]. Соответственно, в первом случае имеется в виду нечто уже существующее *помимо человеческой воли* (именно в таком смысле «конституция» применяется в биологической науке — как морфологические и функциональные особенности организма животных и человека, сложившиеся на основе наследственных и приобретенных свойств); во втором — это *волевой акт*.

Так вот, Ф. Лассаль сосредоточил внимание *лишь на фактической, или действительной («биологической») конституции*. В таком смысле термин «конституция» применяется даже к древним государствам. Например, известный исследователь Древнего Рима Теодор Моммзен часто употреблял слово «конституция» именно в смысле «устройство», имея в виду существовавшую в республиканском Риме систему публичной власти: у него часто можно встретить выражение, что такой-то политический деятель (Марий, Гай Гракх, Сулла или Помпей) изменил конституцию [14].

Нельзя, однако, сказать, что Лассаль совершенно игнорировал юридическую, или писаную конституцию. Просто он был убежден, что она необходима лишь для того, чтобы оформить действительную конституцию, и поэтому «как скоро писаная конституция не соответствует действительной, между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором *писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией*, действительными отношениями силы, существующими в стране» [12, с. 22].

Ф. Лассаль был прав, говоря, что далеко не везде и не всегда юридическая конституция способна быть гарантией предписываемых ею определенных ценностей, определенного устройства жизни. Но если в общество проникли идеи человеческого достоинства, личной автономии и т.п., юридическая конституция, основанная на началах конституционализма, не только возможна, но и необходима (пусть даже она не представляет собой кодифицированный акт). Лассаль же про такую необходимость «забыл», преувеличив фактор политической борьбы (собственно, этот фактор и определял его концепцию: по Лассалю, нужно бороться не за переделки конституционного текста, а за изменение реального соотношения сил).

Если рассуждать с позиций современной конституционной теории, он пренебрёг тремя принципиальными моментами, которые, собственно, и превращают конституцию в *концентрированное выражение права*[1]. Это: 1) определенный набор ценностей; 2) определенная конструкция системы власти; 3) «договорный» характер принятия конституции.

Говоря о *наборе ценностей*, я имею в виду две идеи, которые должны не обязательно прямо провозглашаться, но обязательно пронизывать конституционные нормы. Первая идея — *имманентность каждому человеческого достоинства и вытекающая из этого обязанность госу-*

[1] Весьма точно об этом сказано в ч. 1 ст. 8 польской Конституции, гласящей: «Конституция есть *верховное право* Республики Польша».

дарства обеспечивать и защищать его (достоинство) правовыми средствами. Не случайно, Всеобщая декларация прав человека ООН начинается со ст. 1, гласящей: «Все люди рождаются свободными и *равными в своем достоинстве* и правах» [15].

Вторая идея — *конституционализм*, понимаемый как институциональное ограничение публичной власти во имя защиты естественных прав личности. Любопытно, что еще в конце XIX — начале XX вв., многие, в том числе и либерально мыслящие ученые, не считали возможным такое ограничение. Например, Н.И. Лазаревский полагал, что «ввиду того, что каждая *верховная государственная власть*, именно потому, что она верховная, т.е. не имеющая над собою никакой другой высшей, является властью *юридически неограниченной*, права гражданской свободы *не могут быть юридическими пределами полномочий верховной власти*: таких границ по самому существу дела быть не может» [16, с. 11].

Под *определенной конструкцией системы власти* понимается, конечно же, не некая «единая» для всех государств модель. Речь идет о необходимости так *сконструировать конституционную систему власти*, чтобы внутри нее существовали механизмы, ограждающие общество от произвола и тирании (именно в этом смысле можно говорить о *самоограничении* власти). Такая конструкция возможна, если она зиждется *на принципе разделения властей*, который, в свою очередь, становится реальным, если есть *баланс в системе сдержек и противовесов*. Только такие принципы, положенные в основание конституционной конструкции публичной власти, способны гарантировать правовой характер данной государственности.

Наконец, *«договорный» характер принятия конституции* (кавычки здесь означают, что речь идет о договоре в социальном, а не сугубо юридическом смысле). Такой «договор» понимается в двух смыслах. С одной стороны, это «договор» *общества с государством* (системой власти). Причём «бенефициаром» по нему выступает не общество в целом, а каждый гражданин в отдельности. С другой стороны, это как бы «договор» *внутри общества*. Речь о том, что конституция в ее современном смысле должна быть не «продуктом» воли одной политической силы, а итогом политического (шире — социального) компромисса. Конституция, которая закрепляет «правила игры», диктуемые исключительно «победителем» в политической борьбе, порождает желание «проигравших» изменить в случае уже их победы навязанные правила в свою пользу.

Отсюда — всякий документ, именуемый «конституция», но не содержащий названных «базовых элементов», не может считаться конституцией в собственном смысле этого слова, ибо лишен своего основного предназначения — быть клеткой, в которую общество ради собственной безопасности помещает не только систему публичной власти («государство»), но и самое себя, превращая «суверенитет народа» не в синоним «безграничности воли», а в феномен, пределами которого имплицитно являются абсолютные права человека. Кстати, возражая Г. Еллинеку, утверждавшему, что народ в республике является «высшим суверенным органом», русский государствовед А.С. Алексеев верно писал: «В правовом государстве *не существует ни суверенной власти, ни суверенного органа, а существует лишь суверенный закон*. Этот же закон не является предписанием того или иного учреждения — монарха или парламента, — а представляет собою результат сложного юридического процесса, в котором принимают участие несколько органов, и притом в степени и в формах, установленных конституцией» [17, с. 67–68].

Юридическая конституция, лишенная названных базовых признаков, служит лишь «паспортом» или «зеркалом» государства — фиксатором сущего. Конечно, она упорядочивает государственное бытие. Но ради одного этого (или вокруг этого) явно не нужны были бы и не создавались теории, да и вообще не появилось бы конституционное право (показательно, что наука конституционного права в современном виде родилась лишь во второй половине XIX в.[2]).

[2] Немецкий ученый А. фон Богданди пишет: «Что касается *момента возникновения конституционного права*, то спектр *возможных точек отсчета* простирается от начала Нового времени до конца XIX века» [18, с. 43], но «преобладающая точка зрения объединяет эти различные линии *в одной точке в конце XIX века*, когда возникли научная программа,

Советские конституции полностью соответствовали лассалевскому (позже — ленинскому [19, с. 54]) пониманию, а потому не были собственно конституциями. Честно говоря, трудно понять, зачем большевикам вообще понадобилось оформлять свою власть в виде «конституции». Возможно, за этим стояли сугубо прагматические мотивы: для многих людей за рубежом слово «конституция» ассоциировалась с гарантиями прав и свобод и потому это понятие рождало в целом положительный образ.

3

И тут — время перейти ко второму заблуждению, которое в разных вариациях являет собой лишь повторение сталинских слов: «Конституция СССР (1936 г. — *М.К.*) является единственной в мире до конца демократической конституцией» [20]. Понятно, когда, набрав в поисковой строке слова о «демократической сталинской конституции», предлагаются сайты сталинистов. Но ведь и на вполне политически нейтральных интернетовских страницах можно найти такие, например, фразы:

«Для своего времени Конституция СССР 1936 г. была самой демократической конституцией в мире. Насколько ее положения были реализованы в политической практике — другой вопрос» [21].

«Конституция СССР 1936 г. предоставила традиционный набор прав и свобод граждан, в результате чего была признана одной из самых демократичных Конституций в мире» [22].

«Внешне сталинская конституция была вполне демократичной и явным прогрессом по сравнению с первыми советскими конституциями, жестко проводившими принцип «диктатуры пролетариата». Но реально, во-первых, вся власть осталась в руках партийных органов с их жестко централизованной структурой, а во-вторых, выборы Советов подменялись голосованием за выставлявшегося властью одного кандидата. Наконец, в-третьих, провозглашенные конституцией демократические свободы (слова, печати и т.д.) остались на бумаге» [23].

Самое удивительное, что тезис пусть о формальном, но *демократизме* «сталинской конституции» в той или иной степени можно видеть и в современных учебниках по конституционному праву. Несколько примеров.

Учебник под редакцией А.Е. Постникова: в Конституции РСФСР 1937 г.[3] «получила отражение *формальная демократизация* всего государственного механизма. [...] Конституция гарантировала гражданам широкий круг политических и социально-экономических (экономических как раз неверно) прав, при этом из нее были изъяты ранее действовавшие ограничения в правах для представителей эксплуататорских классов. Однако все это в условиях жесткой однопартийной системы не смогло сдержать массовые нарушения законности, политические репрессии, последовавшие непосредственно после принятия Конституции» [4, с. 28–29].

Учебник С.В. Нарутто, Н.Е. Таевой и Е.С. Шугриной: Конституция РСФСР 1937 г. «отражала принципиальные положения Конституции СССР 1936 г., характеризующие вступление страны в новый этап своего развития — завершение построения основ социализма, полной ликвидации эксплуататорских классов и *расширения социалистической демократии*» [3, с. 37].

Учебник под редакцией В.И. Фадеева: «Однако эта Конституция (1936 г. — *М.К.*) была во многом *декларативной* и *не смогла стать заслоном* от массового беззакония и внесудебных расправ в эпоху культа личности» [24, с. 62].

Учебник Е.И. Колюшина: Конституция 1936 г. «значительно *увеличила число прав и свобод* граждан», однако «остался классовый подход в трактовке государственной власти, что на практике не только позволяло ограничивать конституционные права, но и не препятствовать массовым репрессиям, пик которых совпал (!? — *М.К.*) с первыми годами действия Конституции СССР 1936 г.» [25, с. 34–35].

В учебнике С.В. Васильевой, В.А. Виноградова и В.Д. Мазаева отмечается, что перечень экономических, социальных, политических и

ставшая основой конституционного права в том виде, в каком оно представляется нам сейчас» [18, с. 44].

[3] Во многих современных учебниках говорится о Конституции не СССР 1936 г, а РСФСР 1937 г. Но это ничего не меняет, поскольку конституции союзных республик были практически копиями союзной.

личных прав граждан, закрепленных Конституцией 1936 г. был по тем временам «*самым объемным* в мире» [5, с. 59].

Итак, при всём критичном отношении к «сталинской конституции» и отмечая ее особенности (классовый характер, идеологические догмы и проч.), авторы исходят из того, что, тем не менее, это быласамая настоящая конституция, только вот *реальная публичная жизнь («практика») не соответствовала* ей. На самом деле ни ленинский и сталинский социоцид (массовые репрессии), ни «точечное» преследование инакомыслящих в брежневские времена были не «грубыми нарушениями конституции», а *органично вытекали* из неё. И «сталинская», и все другие советские конституции репрессивность содержали в себе в «свернутом виде», что полностью *соответствовало ленинской доктрине социалистического государств*а.

4

Эту доктрину В.И. Ленин начал разрабатывать еще в период первой русской революции (1905–1907 гг.), окончательно сформулировал в брошюре «Государство и революция» (сентябрь 1917 г.) и лишь немного развивал в более поздних работах. Основной смысл ее, напомню, в том, что после социалистической революции наступает «диктатура пролетариата», необходимая для подавления «сопротивления буржуазии» [26, с. 288–289] и для «разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия» [27, с. 27]. Новая «государственная машина» уже не будет государством «в собственном смысле слова», поскольку Советы — это органы «народной власти» (они же — органы «диктатуры пролетариата»), через которые все трудящиеся поголовно будут привлечены к управлению страной. А руководить всем «процессом» должна коммунистическая партия — «авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [27, с. 26].

Вряд ли нужно доказывать, что о праве здесь вопрос вообще не стоит. Впрочем, Ленин и не признавал право как ценность. Он, вслед за Марксом, понимал право как волю господствующего класса, возведенную в закон, т.е. считал лишь средством подавления. И вот, по официальной коммунистической «хронологии», к середине 1930-х гг. «диктатура пролетариата» перестала быть необходимой, ибо «социализм победил в основном». Кстати, ст. 2 «сталинской конституции» так и гласила: «Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и *завоевания диктатуры пролетариата*». Однако это не стало (и не могло стать) поводом для перехода на правовые рельсы. В том и состоит лукавство и трагизм ленинской доктрины, что она *неизбежно* ведет к диктатуре, даже когда это понятие официально не применяется. А диктатура, по собственному определению Ленина, есть власть, *не признающая* «никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, *внезаконная, опирающаяся на силу*, в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура» [26, с. 318].

Ну, какая же это диктатура — скажет читатель, — если еще в 1920-е гг. в СССР появились Гражданский и Уголовный кодексы, другие законы и подзаконные акты, какие-никакие «конституционные» правила организации власти и т.п. Дело в том, что ленинское отрицание права можно понимать и как полное отсутствие всяких правил, и как отсутствие правил, «стесняющих власть». В действительности, большевистская диктатура включала *оба понимания*. Начальный ее этап соответствовал «узкому» прочтению ленинского определения диктатуры, ибо весь нормативный массив Российской империи и периода Февральской республики был отменён. Но вскоре большевики начали вырабатывать свои правила и даже, начиная с 1918 г., принимать «конституции», что говорит в пользу трактовки диктатуры как *отсутствия «правил, стесняющих власть»*.

Но ведь в Конституции 1936 г. говорилось: «*Вся* (! — *М. К.*) власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3). Как же полнов-

ластный народ мог позволить массовые репрессии? — спросит «наивный» читатель.

5

Я уже отметил, что все советские конституции были основаны на ленинской доктрине, согласно которой власть осуществляется всеми «трудящимися» непосредственно. Поэтому принцип разделения властей здесь совершенно не нужен. К чему политическая конкуренция и система сдержек и противовесов народу, имеющему одну общую цель и единые интересы? Поэтому в ленинской конструкции вместо разделения властей вводится *принцип «работающей корпорации»*.

Так назвал Парижскую коммуну 1871 г. ещё К. Маркс в «Гражданской войне во Франции» [28, с. 342]. В 1917 г. В.И. Ленин разъяснял Марксов тезис: «Продажный и *прогнивший парламентаризм* буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо *парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями*. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, *как разделения труда законодательного и исполнительного*, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет» [27, с. 47–48].

Однако ни Парижская коммуна, ни в России Советы рабочих депутатов в 1905–1906 гг. были не обычными органами власти, а *органами вооруженного восстания*. Естественно, в революционных условиях они показывали свою эффективность, поскольку свели к минимуму процедуры, документооборот и т.п., а, главное, их составляли люди, как правило, имевшие соответствующую моменту мотивацию. Но как только такая конструкция была «помещена» в среду с иными целями, задачами, набором методов (а именно это произошло с Советами после большевистской революции), — она практически сразу показала свою нежизнеспособность, что выразилось в отсутствии всякого намёка на ожидавшееся «живое творчество масс». Поэтому, кстати, не были реализованы идеи ни о «вооружении народа», призванного заменить собой платные армию и полицию, ни даже о постоянной ротации депутатов. «Оказалось», что большинству людей, нацеленных на решение личных проблем, идея «участия в управлении» совершенно чужда. Так мертвая «аксиома» натолкнулась на обычную человеческую психологию.

Неудивительно, что мгновенно реальная власть переместилась в постоянный и платный аппарат Советов — их «исполнительные и распорядительные органы». Провал теоретической конструкции уже в первые годы советской власти был замечен исследователями (тогда ещё была возможность сравнительно честно анализировать действительность): в 1922 г. известный государствовед-марксист М.А. Рейснер сетовал, что «*Совдепия превращается в «Исполкомию»*» и риторически вопрошал, «не находятся ли исполкомы перед слишком большим соблазном известного освобождения от докучливого надзора и контроля Советов и подавления последних в пользу расширения своей власти?» [29, с. 15]. Депутатский корпус превратился в инертную и послушную массу, играющую роль демократической ширмы, что, кстати, закрепила сама Конституция 1936 г.: сессии Советов всех уровней созывались (в зависимости от уровня) от шести до двух раз в год (на практике они длились один-два дня).

Таким образом, ни прямого и «поголовного участия масс в управлении», ни «работающей корпорации» не было с самого начала[4]. Но такое отсутствие маскировали два положения: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» (ст. 1) и «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3). Понятно, что при формуле «народ = Советы» вопрос о гражданском контроле отпадает сам собой.

Бессмыслен тут и тезис об ограничении власти правом, коль скоро право есть воля на-

[4] Ленин и сам осознавал это. Иначе наряду с Всероссийским Центральным *исполнительным* комитетом (ВЦИК) Советов не стал бы создавать еще и орган ВЦИК, т.е. собственно правительство – Совет народных комиссаров, который сам и возглавил. С тех пор традиционно председатели ВЦИК, ЦИК, Президиума Верховного совета (первым был Я.М. Свердлов) являлись совершенно номинальными фигурами.

рода, возведенная в закон. Официальная юридическая наука так отражала этот «догмат»: «Вопрос о соотношении политической власти, государства, с одной стороны, и буржуазного права — с другой, пользуется неизменным вниманием буржуазной науки. Основная концепция данной проблемы сводится *к так называемому «правовому государству», или «господству права» над государством* (кроме неё имеют хождение и некоторые «этатистские» теории примата государства над правом). Мысль о том, что право, понимаемое или как надклассовая норма долженствования, или как абстрактная всеобщая справедливость, или как «естественные» права человека, господствует над государством, над политической властью, связывает и ограничивает ее, в существе своем есть прикрытие классовой диктатуры» [30, с. 418].

Итак, советская государственная машина действовала как раз *в полном соответствии не только с буквой, но и с духом Конституции*. А этот дух, пронизывавший всю «сталинскую конституцию», но особенно ярко просвечивавший в ее первой главе «Общественное устройство», был *абсолютно тоталитарным*. Тем самым создавался парадокс: акт под названием «конституция» был конституцией только в ее «биологическом» понимании. А поскольку «биологическая конституция» никак не отвечала идее конституционализма, постольку «о ее соблюдении» было бессмысленно говорить, в том числе и потому, что советская доктрина отвергала возможность существования хотя бы формально независимого института, оценивающего решения и действия власти.

6

Когда говорят о «демократизме» Конституции 1936 г., обычно упускают из виду ту систему, которую она отражала, и апеллируют к «прогрессивности и демократизму» *конституционного статуса гражданина*. Но и здесь, как ни странно, «не замечают» то, как именно были сформулированы «права и свободы», прежде всего, *политические*.

Любопытно отметить для начала саму юридическую технику. «Избирательные права» провозглашались не в гл. X «Основные права и обязанности граждан», а в гл. XI «Избирательная система». Думается, это было связано, с одной стороны, с тем, что именно «выборы» легитимировали советскую власть и потому она относилась весьма трепетно к самому факту их проведения, процентам голосующих и «проголосовавших за единый блок коммунистов и беспартийных»; с другой — новая Конституция довольно существенно меняла не суть, конечно, но дизайн избирательной системы, что требовалось особенно подчеркнуть. Советские выборы вплоть до 1989 г. оставались абсолютно формальным действом, будучи полностью подконтрольными партийным органам и лишенным всякой альтернативности, и потому никак не могли влиять не только на политику, но и состав органов власти. К тому же «сталинская конституция» сохранила институт *лишения избирательных прав*, правда, сузив категорию «лишенцев» до «осужденных судом с лишением избирательных прав» (в ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. в избирательных правах отказывалось «представителям эксплуататорских классов и их пособникам»).

Особняком, в сравнении с другими «политическими свободами», стояла и статья, закреплявшая «*право объединения*». Этому тоже есть объяснение. Речь ведь шла о формах *организованных* ассоциаций, что потенциально несло угрозу незыблемости строя. Поэтому необходимо было открыто закрепить полную подконтрольность самой возможности и, уж тем более, характера деятельности всякого рода объединений. Поэтому ст. 126 гласила: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую

руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

В советское время часто цитировались следующие ленинские слова: «Но мы должны знать и помнить, что *вся юридическая и фактическая конституция* Советской республики строится на том, что *партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу*, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе, освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить» [31, с. 403]. Тем самым исключалась даже тень гражданского контроля. Но этот момент не только не затушевывался, а, напротив, служил официальным столпом системы. Не случайно в конце перестройки основным требованием стала ликвидация ст. 6 Конституции СССР 1977 г., гласившей, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

А вот всем остальным свободам (слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций) «досталась» *одна* статья 125. Но, в конце концов, эти формальные моменты не так важны. Важно, что некоторые «свободы» всё-таки провозглашались. Вот они, проявления демократии...

Но тогда, неужели печально известную ст. 58[5] Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. надо признать как антиконституционную? Ведь, в частности, в ст. 58–10 говорилось: «*Пропаганда или агитация*, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2–58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев» (таким образом, можно было приговаривать к более длительному сроку и даже к расстрелу).

Нет, *никакого противоречия с Конституцией здесь не было*. Ведь в ст. 125 Конституции перечисление «свобод» предварялось общим условием: «*В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР...*». Вряд ли нужно долго объяснять, что поэтому не то что критика, но и просто «косой взгляд в сторону власти» мог квалифицироваться как контрреволюционная деятельность и это было вполне «конституционно»!

Напомню также, чем заканчивалась ст. 125: «Эти права (политические свободы. — *М. К.*) граждан обеспечиваются *предоставлением* трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления». М.В. Баглай правильно заметил, что *материальные гарантии* «в действительности ничего не могли гарантировать, а только усиливали зависимость человека от государства» [6, с. 48].

Хотя *свобода совести* не относится к политическим свободам, в СССР эта сфера свободы духа считалась именно «политической». Статья 124 Конституции 1936 г. гласила: «В целях обеспечения за гражданами *свободы совести* церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. *Свобода отправления религиозных культов* и свобода *антирелигиозной пропаганды* признается за всеми гражданами». Вчитайтесь, и вы увидите, что для верующих и атеистов был установлен совершенно разный объем прав: первым (клиру и мирянам) оставалась только «свобода *отправления* религиозных культов» (сам термин мерзейший), зато атеистам — свободное *распространение* своих взглядов. Вот почему когда «религиозная пропаганда» (приходится пользоваться советской терминологией) инкриминировалась тысячам и тысячам граждан, прежде всего, священнослужителям, это также не было «нарушением конституционных прав», всё соответствовало «конституционной норме».

* * *

Объем статьи не позволяет мне показать, что и принудительный труд, и фактически крепостная зависимость колхозников, и депортация

[5] На самом деле было несколько статей (с 1938 г. – 14) с одним номером, но разными значками. Каждая из них имела свои гипотезу, диспозицию и санкцию.

народов, и лишение отдельных лиц гражданства, и отсутствие правосудия, и многие другие антиправовые решения и действия властей отнюдь не противоречили «сталинской конституции». Антиправовая, тоталитарная советская реальность, как ни странно это звучит, была в полной гармонии с действовавшей юридической конституцией. И последняя поэтому никак не может быть названа, даже с оговорками, «демократической» и «прогрессивной».

Литература

1. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше // Шестов Л. Сочинения / Сост., вступ. статья и прим. Поляков Л.В. М.: «Раритет», 1995.
2. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. Изд. 4-е. М.: Проспект, 2008.
3. *Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С.* Конституционное право России: Учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013.
4. Конституционное право России: учеб. / А.Е. Постников, В.Д. Мазаев, Е.Е. Никитина и [др.]; под ред. А.Е. Постникова. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
5. *Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. Изд. 2-е. М.: ЭКСМО, 2011.
6. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридических вузов и факультетов. Изд. 2-е изд. изм. и доп. М.: НОРМА — ИНФРА-М., 1999.
7. *Медушевский А.Н.* Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект конституции период «оттепели» (1961-1964) // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3.
8. *Медушевский А.Н.* Российская правовая традиция — опора или преграда?: Доклад и обсуждение. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014.
9. *Аристотель*. Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М., СПб., 2003.
10. *Поппер Карл Раймунд*. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
11. *Спекторский Е.В.* Что такое конституция // Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том I: История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / Сост.д. ю. н., проф. Н.А. Богданова и Д.Г. Шустров. СПб.: Издательский дом «АлефПресс», 2012.
12. *Лассаль Ф.* О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании, в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля. Том 2. СПб: Издание Н. Глаголева, 1905.
13. *Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А.* Lingua Latina. Латинско-русский словарь. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001.
14. *Моммзен Т.* История Рима. М.: Эксмо, 2010. Книга четвертая. Революция; Книга пятая. Основание военной монархии (данное издание является сокращенным воспроизведением его четырехтомного труда).
15. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. Все нормативные акты, в том числе международно-правовые, проанализированы с помощью СПС «КонсультантПлюс».
16. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву / Том I. Конституционное право. СПб.: Типография акционерного общества «Слово», 1908.
17. *Алексеев А.С.* К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910.
18. *Фон Богданди А.* Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1.
19. *Ленин В.И.* Между двух битв // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 12. М.: Политиздат, 1968.
20. *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. [Электронный ресурс] // «Библиотека Михаила Грачева». URL: http: //grachev62.narod. ru/stalin/t14/t14_40.htm (дата обращения 6.12.2015).
21. [Электронный ресурс] // Студопедия. URL: http: // studopedia. ru/3_198393_konstitutsiya-sssr--g. html (дата обращения 7.12.2015).
22. [Электронный ресурс] // Ответы mail. ru. Лучший ответ. URL: https: //otvet. mail. ru/question/81484964 (дата обращения 7.12.2015).
23. [Электронный ресурс] // txtb. ru. URL: http: //txtb. ru/17/37.html (дата обращения 7.12.2015).
24. Конституционное право: Учебник для бакалавров / Отв. ред. В.И. Фадеев. М.: Проспект, 2013.
25. *Колюшин Е.И.* Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1999.
26. *Ленин В.И.* Государство и революция // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 33. М.: Политиздат, 1969.
27. *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 12. М.: Политиздат, 1968.
28. *Маркс К.* Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф.Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960.
29. *Рейснер М.А.* Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10.
30. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М.: Юрид. лит., 1971.
31. *Ленин В.И.* Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 41. М.: Политиздат, 1981.

References

1. Shestov L. Dostoevskiy I Nizche [Dosctoevskiy and Nizche]. Moscow, Raritet Publ., 1995.
2. Kozlova E.I., Kutafin O.E.Konstituzaonnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Moscow, Prospect Publ., 2008.
3. Narutto S.V., Taeva N.E., Shugrina E.S. Konstituzaonnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. RIOR, INFRA-M Publ., 2013.

4. Postnikov A.E., Mazaev V.D., Nikitina E.E. Konstituzaonnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]/ Ed. by Postnikova A.E. Moscow, TK Velbi, Prospect, 2007.
5. Vasileva S.V., Vinogradov V.A., Mazaev V.D. Konstituzaonnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Moscow, EKSMO Publ., 2011.
6. Baglay M.V. Konstituzaonnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 1999.
7. Medushevskiy A.N. Communism as a social utopia and legal fiction: the draft Constitution the period of "thaw" (1961-1964). Sravnitelnoe konstituzionnoe obozrenie [Comparative constitutional review], 2013, no 3 (In Russian).
8. Medushevskiy A.N. The Russian legal tradition is a support or obstacle?: Report and discussion. Moscow, Fond Liberalnaya missia, 2014.
9. Aristotel. Politika [Politics]. Platon, Aristotel, Politica. Science about management state. Moscow, Sankt-Petersburg, 2003.
10. Popper Karl Raimund. Otkritoe obshestvo i ego vragi [Open social and him adversarys]/ Ed. by V.N. Sadovskiy. Moscow, Feniks Publ., International fond «Cultural iniciativ», 1992.
11. Spektarskiy E.V. Chto takoe konstitucia? [What is it constitusion?], Sankt-Petersburg, Alef-Press Publ., 2012
12. Lassal F. The essence of the Constitution. Sankt-Petersburg, Books N. Glagoleva, 1905.
13. Podosinov A.V., Kozlova G.G., Gluhov A.A. Latinsko-russkiy slovar [Lingua Latina]. Moscow, Nauka Publ., 2001
14. Momzen T. Istoria Rima [The history of Rome]. Moscow, EKSMO, 2010.
15. The universal Declaration of human rights. Adopted and proclaimed by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948.
16. Lazarevskiy N.I. Lekcii po russkomy gosudarstvennomy pravy [Lectures on Russian public law]. Sankt-Petersburg, Tipographia Slovo, 1908.
17. Alekseev A.S. K voprosy o yuridicheskoy prirode vlasti monarha v konstitucionnom gosudarstve [The question of the legal nature of the monarch in the constitutional state]. Yaroslavl, 1910.
18. Fon Bogdadni A. Doctrinal constructivism in the past and future: strategy of response to urgent issues facing constitutional legal science in Europe. *Sravnitelnoe konstituzionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2010, no 1 (In Russian).
19. Lenin V.I. Mezhdu dvuh bitv [Between two battles]. Moscow, Politizdat, 1968.
20. V. Stalin On the draft Constitution of the Soviet Union. Report at the Extraordinary VIII all-Union Congress of Soviets on November *25, 1936*. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t14/t14_40.htm.
21. URL: http://studopedia.ru/3_198393_konstitutsiya-sssr--g.html.
22. URL: https: //otvet.mail.ru/question/81484964.html.
23. URL: http://txtb.ru/17/37.html.
24. Fadeev V.I. Konstitucionnoe pravo [The constitutional law.]. Moscow, Prospekt Publ, 2013.
25. Kolushin E.I. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo of Russia [Constitutional (state) right of Russia]. Moscow, MGU Publ., 1999.
26. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolucia [State and revolution]. Moscow, Politizdat, 1969.
27. Lenin V.I. Pobeda cadetov i zadachi rabochey partii [Victory of cadets and tasks of workers ' party]. Moscow, Politizdat Publ., 1968.
28. Marks K. Grazhdanskaya voina vo Francii. Vozzvanie generalnogo soveta mezhdunarodnogo tovarichestva rabochih [The civil war in France. The proclamation of the General Council of the international society of workers].Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960.
29. *Reisner M.A. Centralization, segregation and Advice. Vlast sovetov* [The power of the Soviets], 1922, no 10. (In Russian)
30. The Marxist-Leninist General theory of state and law. Historical types of state and law. Moscow, Urid. Literature publ., 1971.
31. *Ленин В.И.* Speech at a national conference of politprosvet provincial and district departments of public education November 3, 1920. Moscow, Politizdat, 1920.